

43

ЗАМЕТКИ ЗРИТЕЛЯ

(Письмо в редакцию)

Включение в репертуар театра им. А. С. Пушкина одного из произведений для сцены великого пролетарского писателя А. М. Горького можно было бы только приветствовать. Пьесы Горького — это произведения, которым свойственны большие чувства пламенной солидарности, неукротимого гнева, горячей любви, романтики и бесстрашной жизненной правды.

Пьесы Горького живут и поныне волнуют, потому что высоки их качества, потому что торжественные слова о человеке, его призывы к политической борьбе помогают воспитанию в нового советского человека. Постановка пьес Горького требует от театра правильного раскрытия образов, верно доведения до зрителя глубоких горьковских мыслей и идей.

Брайне важно для театра точное решение в смысле кадра, в котором должны быть осуществлены спектакли. Трагикомический спектакль «Дети солнца» театром им. Пушкина, как комедия, вызвал ошибку, которая предопределила и целый ряд дальнейших неудач. Правда, А. М. Горький и сам задумал «Детей солнца», как комедию, но в процессе авторской работы эти произведения получили новое название — «трагикомедия» и, наконец, уже в печатном издании пьесы была

названа «спеница». Очевидно, А. М. Горький, с обычной для него требовательностью к себе, несколько раз перерабатывая пьесу до появления ее в печати, отказался от первоначального определения жанра, приблизил звучание пьесы к тому, что можно назвать социальной драмой.

И, конечно, так и нужно было показывать эту пьесу зрителю. Постановщик же пьесы «Дети солнца» в театре им. Пушкина заслуженный деятель искусств Н. К. Тейшер, жедая, очевидно, «оживить» спектакль, внес ряд комических изменений в сценарий, менее всего для этого подходящих. Возьмем, например, сцену из III акта, когда глубоко потрясенный отказом Лизы Чепурной уходит в сад. Здесь Лиза и Чепурная имеют вид озорных детей, и вся сцена вместо сожаления вызывает у публики веселый смех. Или взять сцену из IV акта, непосредственно следующую за сценой безумия Лизы. Испуганная горячая Луша спрашивает у Назара Авдеевича объяснение. И снова эта сцена постановка режиссером так, что вызывает смехливый хохот зрительного зала, убавляющий калве бы то ни было воспоминания о предыдущей тяжелой сцене. При правильном, похвалотическом верном проведении этих сцен никакого бы смеха не было.

В соответствии с режиссерским замыслом, исполняющий главную роль в пьесе (Протасов) заслуженный артист М. Ф. Зимонин тоже без компа смешил зрителя, далеко уходя от горьковского понимания этого нейтрального и сложного образа спектакля.

Мне кажется, что М. Ф. Зимонин, создавший в прошлом запоминающиеся образы Сафонов, Акимов, Пробыкова, абсолютно не на месте в роли Протасова. Неужели в коллективе театра им. Пушкина не нашлось другого актера, который бы по своей творческой индивидуальности мог удачно осуществить бы на сцене эту роль? Рад сцен («Медальончик и др.) М. Ф. Зимонин проводит настоящее явление комизма, что из зала снова несется громкий смех. Нужно ли говорить, что это не только снижает образ Протасова, а, честно говоря, совсем не Протасов. А ведь Горький высоко ценит Протасова и, как автор, дает все, чтобы привлечь к нему симпатии зрителя. Ведь Протасов по замыслу Горького, настоящего эту пьесу в 1905 г. под непосредственным впечатлением «Бронового воскресения», должен был выдвинуть весьма важную политическую задачу: повернуть интеллигенцию в сторону рабочего класса. Ведь Горький в образах Протасова и Егора задумал идею «Семка труда и науки», народа и интеллигенции. Устами Протасова Горький обращался в залу, где сидели эти же Протасовы.

Горький знал, что Протасовы придут к Егору. Если ли ошибиться, если скажем, что Протасов — это, в известной степени, прообраз Полежаева («Допустит Балтика») — профессора, который в 1917 году честно протравивает руку Советской власти, потому что для науки и волевого народа совпадают.

Протасова, о котором Егор говорит: «Я тебя уважаю... я вижу ты человек особенный», искреннего, увлеченного, чистого, трогательного ученого — в спектакле театра им. Пушкина мы не увидели. Настоящего горьковского Протасова, к которому сегодняшней зритель должен относиться с уважением и симпатией, в спектакле «Дети солнца» — нет! Нет убедительных образов представителей народа, нарастающей революционной «Ялы рабочего класса. Бунтующие рабочие поданы, буквально, карикатурно. «Массовая сцена» просто анекдотична. По количеству участия и режиссерскому решению все это заслуживает самого резкого осуждения.

Разбирая спектакль «Дети солнца», надо было бы сказать и об актерских успехах: Хрисанова, Ридель, Снеговая, Муратов, но не это представляло написание в рецензии. Неразкрытый горьковский текст, недонесенная великая тема пьесы «Дети солнца» — вот что побуждало нас написать это письмо. Для нас совершенно очевидно, что лишь аналитическая режиссерская переработка и замена одних исполнителей

другими сможет приблизить пьесу к настоящему замыслу А. М. Горького.

В опубликованной заметке нашей газетой рещенно на спектакль «Так и будет» автор ее во многом правильно оставался на недостатках актерской и режиссерской работы театра им. Пушкина. Эти недостатки часто еще более проглядывают и в других спектаклях: «Поздняя любовь», «Забавный случай», «Без вины виноватые», где и отдельные актеры явно не на месте и где спектакли идут совершенно оглядываясь от того, чем были они в прошлом сезоне.

Одной из причин этих недостатков я считаю оторванность театра от массового зрителя. Никаких общественных обсуждений спектаклей не делается. Наша газета также редко помогает рецензии и тем самым совершенно не исправляет ошибки, допущенные театром в той или другой постановке. Уместно напомнить, что отрицательная оценка спектакля «Борис Годунов» была дана газетой спустя довольно долгое время. В заключение мне хочется сказать, что театру им. Пушкина и его художественное руководство должны себе усвоить очень простую и общепонятную истину: наш советский зритель очень и очень вырос, его требования к искусству значительно повысились и, следовательно, он вправе ждать от своего театра вышестоящих, художественно-и многогранных спектаклей.

А. БОГДАНОВ.